

Степанов Михаил Геннадьевич

"АКАДЕМИЧЕСКОЕ ДЕЛО" (1929-1931 ГГ.): ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье в историографическом контексте показан процесс изучения одной из крупных репрессивных кампаний – "академического дела", направленного против "старой" научной интеллигенции. Особо акцентируется внимание на так называемом "деле историков" (С. Ф. Платонов, В. С. Адрианов, В. А. Казакевич, Н. П. Бауэр, Г. В. Григорьев и др.) и его последствиях для дальнейшего развития отечественной исторической науки. Кроме того, дана характеристика опубликованному комплексу источников по рассматриваемой проблеме, сделан вывод о перспективных направлениях в дальнейшей разработке темы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, можно выделить три этапа развития городской системы расселения в ХМАО в период нефтегазового освоения. Во время первого этапа (начало 1960-х – 1969 г.) происходило стихийное возведение ведомственных поселений у месторождений, формировалась концепция градостроительного освоения региона. На втором этапе (1969 – конец 1970-х гг.) была принята система централизованного расселения в крупных базовых городах, которыми стали Сургут, Урай, Нефтеюганск и Нижневартовск; рост других поселений запрещался Тюменским руководством, а эксплуатация месторождений должна была осуществляться вахтовым методом. На третьем этапе (1980 – начало 1990-х гг.) произошло формирование новой, групповой системы расселения нефтяников – города создавались на месте бывших вахтовых поселков у нефтяных месторождений.

Список литературы

1. Голубничий А. М., Гурьев В. П., Пермьяков В. Т., Сесин Н. А. Вопросы совершенствования планирования на новом этапе развития нефтяной промышленности Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск: Наука, 1983. С. 91-114.
2. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО «ГАТО»). Ф. 814. Оп. 1.
3. ГУТО «ГАТО». Ф. 1933. Оп. 1.
4. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М.: МЦА «Суханово», 2004. 512 с.

**STAGES OF DEVELOPING URBAN RESETTLEMENT SYSTEM
IN KHANTY-MANSI DISTRICT (THE 1960-1990S)**

Stas' Igor' Nikolaevich

*Tyumen' State Oil and Gas University
igor.stas@mail.ru*

The author analyzes the development of urban resettlement system in Khanty-Mansi district during oil and gas development in Western Siberia, reveals three stages of this development, which were based on the conception of the centralized and group resettlement of oil industry workers, and mentions that centralized resettlement in major towns was supported by the leadership of Tyumen' region, and the variant of group resettlement – by the Ministry of Oil Industry of the USSR.

Key words and phrases: oil industry workers towns; town-planning development; Ministry of Oil Industry of the USSR; resettlement system; centralized resettlement.

УДК 629.33

Исторические науки и археология

В статье в историографическом контексте показан процесс изучения одной из крупных репрессивных кампаний – «академического дела», направленного против «старой» научной интеллигенции. Особо акцентируется внимание на так называемом «деле историков» (С. Ф. Платонов, В. С. Адрианов, В. А. Казакевич, Н. П. Бауэр, Г. В. Григорьев и др.) и его последствиях для дальнейшего развития отечественной исторической науки. Кроме того, дана характеристика опубликованному комплексу источников по рассматриваемой проблеме, сделан вывод о перспективных направлениях в дальнейшей разработке темы.

Ключевые слова и фразы: историография; сталинизм; политические репрессии; «академическое дело»; «буржуазные специалисты»; «старая интеллигенция».

Степанов Михаил Геннадьевич, канд. ист. наук

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
StepanowM@yandex.ru*

«АКАДЕМИЧЕСКОЕ ДЕЛО» (1929-1931 ГГ.): ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

К отдельной историографической проблеме стоит отнести интерпретацию советской репрессивной политики, ориентированной против маргинальной категории советского общества, так называемых «бывших» (представителей интеллигенции дореволюционного периода и «буржуазных специалистов»).

Анализируя данную проблему, вначале необходимо определиться с терминологическим аппаратом рассматриваемой эпохи. Так, в коллективной работе новосибирских исследователей «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы)» отмечается, что термин «спец» («спецы») вошел в обиход в годы Гражданской войны. В это же время на территории Советской России, по существу, начинала формироваться социальная группа (слой) «спецов», состоявшая, в первую очередь, из представителей

квалифицированных кадров интеллигенции, в порядке мобилизации или добровольно служивших в новых органах власти и управления хозяйством, в рядах Красной Армии и т.д. Кадры специалистов составили квалифицированное профессиональное ядро данной группы [10, с. 165].

Широко применявшийся в 1920-е гг. в политических документах и повседневной жизни, термин не имел четкого определения. В основном «спецы» современниками и исследователями истории интеллигенции воспринимались как социально-политическая (порой – только политическая) категория. В прагматическом, функциональном значении специалисты – это квалифицированные кадры, часть образованного слоя старого общества, наиболее необходимая новому режиму и занятая преимущественно в сфере материального производства и управления народным хозяйством. Добавление «старые» или «буржуазные» уже несло в себе негативную характеристику. Таким образом, слово «спецы», тождественное словосочетанию «буржуазные специалисты», имело знак чуждого социального происхождения [Там же, с. 165, 166].

Вторым крупным объектом репрессий со стороны государства после технической интеллигенции были представители интеллигенции научной. Отдельной проблемой, к которой обращались исследователи, стало так называемое «академическое дело», направленное против ряда представителей научной интеллигенции, имеющих значительный авторитет и большой опыт работы еще в дореволюционной России.

Характеризуя процесс накопления и публикации источников по проблеме репрессий в отношении представителей научной интеллигенции, следует назвать ряд документальных сборников. В частности, были опубликованы материалы по истории отечественной интеллигенции и науки, в том числе об «Академическом деле» 1929-1931 гг. [2; 20]. Также вышел в свет биографический очерк о С. Ф. Платонове, материалы следственного дела (протоколы допросов). Вышел сборник очерков о жизни и деятельности ряда советских ученых-естественников (академик В. И. Вернадский, М. Кравчук, С. Рудницкий и др.), украинцев по национальности, репрессированных в годы сталинского террора [1]. Были также опубликованы архивные документы по составу АН СССР (список действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР, подвергшихся репрессиям в 1930-е гг.) [17].

В своих «Очерках» В. А. Куманев уделил внимание знаменитому делу «историков» [8, с. 77]. Исследователь полагают, что непосредственным вдохновителем эскалации репрессий против научной интеллигенции был сам Сталин: «“Платоновское дело” было крупным звеном в учиненном глумлении над кадрами профессиональных историков, что на долгие годы болезненно сказалось на состоянии науки по всем ее главным направлениям» [Там же, с. 80, 81]. Безусловно, можно согласиться с мнением В. А. Куманева о том, что одним из следствий репрессий в отношении советской интеллигенции было введение *государственной монополии на интеллект* (*курсив наш – М. С.*) каждого гражданина СССР [Там же, с. 236].

Анализируя данную проблематику, Ю. Слезкин отметил, что к началу «сталинской революции» в большинстве научных учреждений работали молодые специалисты, получившие образование при Советской власти и полные желания преобразовать свои отрасли в соответствии с марксистскими принципами. Гордые своим социальным взлетом, но не уверенные в своих профессиональных возможностях, эти научные выдвигенцы были безоглядно преданы людям и идеологии, выгацившим их из «болота невежества», и не доверяли своим буржуазным профессорам (а позже коллегам), которые были старше, опытнее и лучше подготовлены [16, с. 114].

По мнению А. Л. Литвина, историческая наука, в отличие от всех других наук, наиболее сильно пострадала от репрессий, т.к. она в Советской России сразу же стала развиваться как официозная, с установкой на «единственно верное» теоретическое обоснование – на марксизм-ленинизм и «партийно-классовое восприятие» прошлого и настоящего [9, с. 3, 4].

Часть исследователей в процессе анализа проблемы пошла дальше и высказала суждение о том, что объектом сталинских репрессий следует считать не только ряд представителей научной интеллигенции, но и целые научные направления, утратившие самостоятельность в своем развитии с начала 1930-х гг. В этом ключе иллюстративна позиция М. Г. Ярошевского [19, с. 10, 11].

Значительный научный интерес в разработке проблемы сталинских репрессий в отношении представителей научной интеллигенции представляет двухтомник «Репрессированные этнографы». В обоих томах опубликованы 28 статей, каждая из которых посвящена жизненному пути и трудам одного из репрессированных этнографов. Авторский коллектив в своих выводах единодушен в том, что репрессии стали фактором стагнации ряда научных разработок, необоснованных арестов ученых [13; 14].

Тезис о том, что террор сопутствовал большей части истории советской археологии, попытался доказать в своей статье А. А. Формозов: «Легенда о 1937 г. как о пике репрессий не подтверждается. Наиболее страшными для археологов были 1930-1934 гг. Вначале репрессии еще не очень жестоки. В музеях работают репрессированные И. А. и Н. Н. Виноградовы, М. П. Грязнов. Выходят книги и статьи людей, находящихся в заключении (Ю. В. Готье, А. А. Миллер, Г. А. Бонч-Осмоловский, А. А. Захаров, С. И. Руденко, М. П. Грязнов). Затем режим ужесточается. Люди исчезают без следа (В. С. Адрианов, В. А. Казакевич, Н. П. Бауэр, Г. В. Григорьев). Среди археологов расстреляно не менее 10 человек. Жертвами репрессий были и открытые враги Советской власти (А. В. Адрианов), и люди, служившие ей изо всех сил (М. Г. Худяков, П. С. Рыков), а в основном те, кто просто занимался своим делом, сторонясь политики» [18, с. 203, 204].

Наиболее четко выводы о негативном влиянии репрессий в отношении Академии наук сделаны в публикации Ф. Ф. Перченока: «“Дело академика С. Ф. Платонова”, “дело Платонова-Тарле”, “дело четырех академиков”, “дело историков” – так по-разному называли современники “Дело Академии наук” (1929-1931 гг.). <...> “Дело АН” призвано было окончательно сломить сопротивление научной интеллигенции, подкрепить процесс антидемократического переустройства в академии, распахнуть двери в нее для деятелей “нового типа”» [12, с. 201].

Особый интерес в современной отечественной историографии представляет монография В. С. Брачева, в которой был дан анализ научной, педагогической и общественной деятельности выдающегося российского историка, академика С. Ф. Платонова, прошедшего через арест, самарскую ссылку в 1931 г. и довольно позднюю, в 1967 г., реабилитацию [3; 4].

В рамках рассматриваемой проблемы следует выделить новейшую биографию И. В. Сталина, опубликованную в 2009 г., составителем которой стал С. Ю. Рыбас. В качестве источниковой базы у автора данной работы стали преимущественно мемуары политических и общественных деятелей периода правления И. В. Сталина, и лишь фрагментарное использование получили документальные сборники, опубликованные по этой проблематике. Что касается непосредственно научных исследований, то С. Ю. Рыбас использовал работы ведущих специалистов в данной предметной области, опубликованные с 1954 г. по 2007 г. [15, с. 885]. Так, по мнению С. Ю. Рыбаса, причинами «академического дела» были следующие: «В академии хранились важные исторические документы (например, акт об отречении Николая II), которые академики не спешили передавать в советские архивы по причине “непрочности власти”. Интеллектуалы ожидали скорого падения режима и в преддверии этого обсуждали перспективы страны. Бесспорно, эта пассивная оппозиционность авторитетных ученых в случае войны могла стать почвой для объединения политически активных сил и могла выдвинуть приемлемых для большинства лидеров» [Там же, с. 303].

На региональном уровне некоторые аспекты репрессивных акций в отношении представителей научной интеллигенции также подверглись разработке. М. В. Кликушин в своем исследовании обращается к проблеме определения числа арестов научной интеллигенции Сибири периода сталинских репрессий. Цель его статьи – «выявление и некоторая первичная систематизация фактов репрессивных актов политического режима в отношении кадров научно-педагогической интеллигенции Сибири в хронологических рамках конца 1920-х – начала 1940-х гг.» [6, с. 97]. Автор синхронизирует громкие политические процессы с менее публичными политическими, уголовными преследованиями представителей научной интеллигенции в Сибири [Там же, с. 98].

Касаясь рассматриваемого периода, новосибирский историк С. А. Красильников констатировал, что в первой половине 1930-х гг. в основном завершился процесс смены поколений внутри интеллигенции. Также он заметил, что данный процесс носил далеко не органичный характер, сопровождаясь резким «вымыванием» так называемых старых «спецов» в ходе дискриминаций и репрессий [7, с. 40].

Проблему репрессий в отношении ученых Дальнего Востока проанализировала в своей статье Е. В. Васильева. Выясняя особенности данных репрессивных акций, исследовательница заметила, что аресты в среде научной интеллигенции Дальнего Востока начались как отголоски крупных политических процессов в центре [5, с. 110]. Оценивая последствия репрессий против интеллигенции, Е. В. Васильева констатирует, что к середине 1930-х гг. в Дальневосточном крае практически не осталось представителей старой научной интеллигенции [Там же, с. 111].

Мы, безусловно, согласны с мнением И. В. Павловой, согласно которому «репрессии против “буржуазных” специалистов и “вредителей” позволили ускорить темпы индустриализации под страхом обвинения в саботаже и вредительстве» [11, с. 17].

Таким образом, в современной российской историографии исследователи придерживаются мнения о фальсифицированном характере так называемого «академического дела». В целом перспективным направлением в разработке проблематики, по нашему мнению, являются, с одной стороны, публикация архивных материалов по проблеме, а с другой – создание сводного исследования с привлечением широкого документального комплекса по истории репрессий в отношении «старой интеллигенции» вообще и научной интеллигенции в частности.

Список литературы

1. Академическое дело 1929-1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Б.и., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. 296 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922-1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 752 с.
3. Брачев В. С. «Дело историков», 1929-1931 гг. СПб.: Нестор, 1997. 113 с.
4. Брачев В. С. Русский историк С. Ф. Платонов: ученый, педагог, человек. СПб.: Нестор, 1997. 262 с.
5. Васильева Е. В. Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е годы: материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции / отв. ред. А. П. Деревянко. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1997. С. 108-116.
6. Кликушин М. В. Летопись арестов: научная интеллигенция Сибири в годы сталинских репрессий // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920-30-е гг.): сборник научных трудов / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1994. С. 96-122.
7. Красильников С. А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1995. 44 с.
8. Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: очерки. М.: Наука, 1991. 296 с.
9. Литвин А. Л. Без права на мысль: историки в эпоху Большого террора: очерки судеб. Казань: Татарское книжное издательство, 1994. 191 с.
10. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.
11. Павлова И. В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: историко-архивный альманах / науч. редактор-составитель И. В. Павлова. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1997. Вып. 3. С. 4-36.

12. **Перченко Ф. Ф.** «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / отв. ред. В. А. Куманев. М.: Наука, 1995. С. 201-235.
13. **Репрессированные этнографы** / сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Вып. 1. 343 с.
14. **Репрессированные этнографы** / сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2. 495 с.
15. **Рыбас С. Ю.** Сталин. М.: Молодая гвардия, 2009. 902 с.
16. **Слезкин Ю.** Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113-125.
17. **Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР** / отв. ред. В. А. Куманев. М.: Наука, 1995. 253 с.
18. **Формозов А. А.** Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х годов // Российская археология. 1998. № 3. С. 191-206.
19. **Ярошевский М. Г.** Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 9-33.
20. **In memoriam: исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка** / сост. А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. М. – СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. 450 с.

“ACADEMIC AFFAIR” (1929-1931): VIEW OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Stepanov Mikhail Gennad'evich, Ph. D. in History
Khakass State University named after N. F. Katanov
StepanowM@yandex.ru

The author shows in the historiographical context the process of studying one of major repression campaigns – “academic affair” directed against the “old” scientific intelligentsia, pays special attention to the so-called “affair of historians” (S. F. Platonov, V. S. Adrianov, V. A. Kazakevich, N. P. Bauer, G. V. Grigor'ev, etc.) and its consequences for the future development of native historical science, in addition gives the characteristic of published sources complex on the problem under consideration, and comes to the conclusion about promising directions in further development of this topic.

Key words and phrases: historiography; Stalinism; political repressions; “academic affair”; “bourgeois specialists”; “old intelligentsia”.

УДК 316.42:94/99/47

Исторические науки и археология

В предлагаемой вниманию работе анализируется роль Сефевидского государства, наряду с европейскими странами и государствами Востока, в торговле шелком. Рассмотрены вопросы вывоза в эти страны различной сельскохозяйственной и другой продукции, приводятся данные о номенклатуре завозимых товаров из этих стран. В статье показана роль ряда азербайджанских городов как важных торговых центров в направлении к Волга-Каспийскому международному торговому пути, подчеркивается роль экономической и таможенной политики Османского государства.

Ключевые слова и фразы: Сефевиды; торговля; Индия; Волжско-Каспийский путь; шелк; Шемаха; специи; караван-сарай.

Сулейманов Низами Мамед оглы, к.и.н., доцент
Азербайджанский государственный экономический университет
suleymanovnizami@mail.ru

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ГОСУДАРСТВА СЕФЕВИДОВ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА[©]

С завоеванием в 1453 году Константинополя османами при султানে Мехмеде II Фатихе и великими географическими открытиями равновесие в экономических взаимосвязях, имевшихся благодаря традиционным сухопутным торговым путям между Европой и Востоком, было нарушено, но не уничтожено: государство Сефевидов сохраняло торгово-экономические связи со странами Востока – с Индией, Китаем, Османской империей и другими странами. Этому процессу благоприятствовал значительный экономический потенциал Сефевидского государства. Французский путешественник и купец Жан Шарден, побывавший в державе Сефевидов в 60-е годы XVII века, писал, что здесь имеются шелк, зарбафт (парча, вытканная золотыми нитками), симбафт (парча, вытканная серебряными нитками) и другие изысканные ткани, ковры и ферши (*сотканная из шерсти наполная подстилка – Н. С.*), вывозимые на продажу в соседние страны [13, т. 4, с. 364].

В XVI-XVII вв. в торговле сефевидским шелком важную роль, наряду с европейскими странами, играла Индия. Она считалась одним из основных покупателей шелка из государства Сефевидов. Торговля между этими странами не носила односторонний характер, а основывалась на взаимной выгоде. Торговые связи между ними, наряду с сухопутными караванными путями, охватывали также водный путь через океан вплоть до Ормузского пролива. Однако после установления португальцами в начале XVI столетия контроля над